

Гуманизм и сциентизм в условиях современной техногенной цивилизации («Век генетики и биотехнологии»)

По прошествии более ста лет, когда время приглушило жесткую злободневную полемичность сказанного и написанного Николаем Страховым эволюционной пафос его творчества приобретает новый – метафорический смысл – адресованный будущим поколениям вопроса о соотносительности или противостоянии рационализма и гуманизма, сциентизма и традиционных ценностей духовной культуры, глобализма и этнокультурного своеобразия.

В своих философско-методологических трудах, прежде всего в работе «Мир как единое целое», российский мыслитель акцентирует внимание на внерационалистических и внеэмпирических источниках и формообразующих факторах научного знания – социокультурных, аксиологических, эстетических. Мысль о границах возможностей науки как в когнитивном, так и деятельном аспектах диссонировала с доминирующим умонастроением интеллектуальной элиты российских естествоиспытателей второй половины XIX века. Характерно, что наиболее непримиримые инвективы Страхова (биолога по образованию) в адрес теории Чарльза Дарвина (“Дарвинизм чужд духу славянства”), которые в советской литературе расценивались как политически реакционные, отталкиваются именно от этих социо-этического и ментального измерений научных теорий. Его оппоненты из числа естествоиспытателей, прежде всего К.А.Тимирязев, ударение делали на эмпирической и рационалистической обоснованности эволюционного учения. Социальная история науки XX века доказала, что в доводах Н.Н.Страхова было много справедливого, зафиксирована важная и временами крайне опасная тенденция, протекающая из противопоставления научного рационализма и гуманизма.

Прогресс естествознания на рубеже 3-го тысячелетия привел к радикальному пересмотру традиционной для ментальности технократической цивилизации концепции этической нейтральности научного знания и автономии науки как социального института. Согласно восходящей к Конту трактовке именно научному знанию в силу объективного характера его законов принадлежит активная формообразующая роль в связке культура – естествознание. Доминирующей темой философии и социологии науки в начале XX века можно считать сформулированную Карлом Поппером проблему “демаркации” – разграничение науки, а точнее – естествознания (*science*) и иных сфер интеллектуальной и социальной жизни, прежде всего – гуманитарных наук (*arts*), философии, идеологии. Наука обосновывала свою автономию как социального института, основной функцией которого было производство нового знания. Прикладное использование науки в рамках такой концепции могло породить политические проблемы, но вмешательство политики в развитие науки необходимо было рассматривать как безусловно нежелательное. Эта методологическая установка трансформировалась в ментальный стереотип поведения членов научного сообщества, оказывая заметное влияние на тематический спектр научных исследований, а, следовательно, — и на содержание естественных наук.

Однако по мере приобретения постнеклассической наукой свойства “человекоразмерности” и интеграции ее положений в ментальность интензивность и важность формообразующего влияния культуры на эволюцию фундаментальной науки также нарастает. Как писал Н.Страхов, “в каждой науке, рано или поздно наступит или должно наступить время, когда ее метафизика станет для нее недостаточной” (1,с.487). Двойственность человека как самоценной “вещи-в-себе”, и “вещи-для-нас”, субъекта познания и, в то же самое время, объекта внешнего манипулирования, цели которого далеко не всегда совпадают с индивидуальными интересами личности, стал особенно остро ощущаться в конце истекшего тысячелетия и не в последнюю очередь – вследствие прогресса в изучении генетической природы вида *Homo sapiens*. Эволюционная методология современной биологии

в сочетании с поиском генетических первооснов фундаментальных свойств человеческой личности (как результата развертывания во времени и пространстве информации, записанной в ее геноме) стали ядром современных интерпретаций старой как сам человек философской контрверзы детерминизма и свободы воли. Представление о собственном “Я” как о продукте преобразования и реализации унаследованной от предков информации, осознание возможности целенаправленного изменения этой информации – по своей воле или в результате постороннего вмешательства (благо- или злонамеренного), чувство предопределенности своей судьбы влекут за собой глубинные коллизии, осмысляемые как “конфликт человека с самим собой”, выход из которого некоторые философы вновь, вслед за Фридрихом Ницше видят в самоконструировании и перестройке человеком собственной природы, но уже на основе генно-инженерных технологий (П.Слотердиик).

Преддетерминирующее влияние культуры на современную науку можно а priori разделить на три компонента: 1) программирование развития науки в результате наложения научных идей на глубоко укоренившиеся в ментальности базисные культурные архетипы; 2) относительно быстрые реакции общественного мнения, протекающие по типу “стимул-ответ”; 3) трансформации наиболее “молодых” и лабильных элементов ментальности, обеспечивающих ее адаптацию к создаваемым научно-технологическим прогрессом новым реалиям бытия. Доктрины, отрицавшие если не реальность научно-технического прогресса, то сомневающиеся в том, что новое Знание есть не только Сила, но и Добро, появлялись и раньше, но в настоящее время они стали элементом практической политики, став причиной появления новых социальных институтов, функция которых сводится к контролю не только использования результатов, но и тематики наиболее динамично развивающихся научных направлений – генетической инженерии, репродуктивных технологий и т.д.

Социальный статус науки и технологии в массовой культуре заметно снизился. Как писал В.А.Кутырев, отставание темпов реального технологического прогресса от футурологических и художественных прогнозов середины XX века вызвали у рядового обывателя чувство “обмана и разочарования”. Однако и сама наука приобретает новый имидж: “Социум перестал воспринимать прогресс науки и медицины однозначно положительно”, тогда как в прошлом “исследования в области медицины... ассоциировались с идеей прогресса и процветания. Приобретение новых знаний расценивалось как шаг перспективный, научные достижения никогда не воспринимались как движение назад” утверждают медики. Происходит переориентация когнитивного вектора науки извне (познание природы) вовнутрь – на анализ последствий собственного развития – “рефлексивное онаучивание».

И, наконец, гипертрофированный рост недоверия к науке в глазах некоторых исследователей приобретает глобальный характер “кризиса концепций масштабных социальных модернизаций”, который проявляется и в массовом сознании. Парадокс состоит в том, что именно прогресс науки и технологии в значительной мере ответственен за пролиферацию массового сознания в духовную культуру современности. Типичным примером подобного рода взаимной преформации и коадаптации науки и ментальности стал процесс “генетизации культуры” и “гуманизации генетики”. Первая из них проявляется уже не только на философском (генетический детерминизм), социально-политическом или правовом поле (генетическая дискриминация), но и в сфере обыденного сознания (наиболее яркий пример – использование генетических брендов в рекламе). В некотором смысле масштабы влияния генетики на духовную жизнь в конце XX века, по крайней мере, столь же велики, как у физики на рубеже XIX и XX. Основные термины генетики и генной технологии применительно к человеку несут неустранимую эмоциональную и этическую нагрузку, вызывая значительный общественный резонанс – изредка позитивный, значительно чаще – негативный. Любая рефлексия о настоящем и будущем генетики не может быть идеологически и политически нейтральной. “Генетические технологии поставили нас лицом к лицу с необходимостью беспрецедентных и иногда необратимых реше-

ний. И мы должны принять это решение, воспользовавшись всей человеческой мудростью и проницательностью, с учетом нашего научного, религиозного и философского наследия”, – метафорически подытожил суть вызванных генетикой революционных изменений в культурной и духовной жизни современного человека один из Западных экспертов П. Уолп.

Пролиферация элементов фундаментальных генетических теорий в массовое сознание приводит к сдвигам установившегося в менталитете равновесия потенциалов антагонистических установок родового детерминизма и свободы воли, служащих мощными аттракторами, определяющими вектор культурного развития современной цивилизации. На концептуальном уровне генерируются коллизии между генетическим детерминизмом и базовыми культурно-психологическими парадигмами Западной цивилизации (политический эгалитаризм, эгоцентризм, технократический конструктивизм). В свою очередь, социально-политические, этические и т.п. элементы (ранее рассматривающиеся как экстерналинные по отношению к собственно научной теории) инкорпорируются в ткань современной генетики, распространяя свое влияние со сферы прикладной генетики на центральное ядро фундаментальных генетических концепций. Следствием инициации и усиления влияния гибридных ментальностей становится сращение методологических когнитивных моделей естествознания и гуманитарных дисциплин, формирование и расширение внутри тезауруса современной генетики пула терминов, имеющих социогуманитарного происхождения (гены-рабы, гены-хозяева) и все более стремительное формирование новых научных дисциплин и областей исследования на стыке естественных и гуманитарных наук. Совместимость и/или комплементарность объяснительных и когнитивных биологических и социогуманитарных моделей может найти достаточно глубокое обоснование в истории науки. Эвристическая сила взаимодействия идей и мощностное социально-психологическое воздействие также можно проиллюстрировать историческими примерами. Более того, потенциально они способны стать аттрактором, определившим вектор социально-политического развития в точке бифуркации (социал-дарвинизм и евгенические законы в США начала XX века versus расовая гигиена в нацистской Германии и мичуринская генетика в бывшем СССР). Вследствие этого, а не только в результате недостаточно надежных средств технического контроля современная генетика и генные технологии приобрели в массовом сознании устойчивый имидж “опасного знания” (*“risk science”*).

Опасное знание отнюдь не исчерпывается проблемой технической управляемости и контролируемости новых высоких технологий, возникших в результате развития фундаментальной науки. Не меньшее значение имеет и возрастание социальной нестабильности вследствие столкновения доминирующих в обществе ментальных установок с новыми научными теориями и фактами, особенно в случае дифференциальной реакции на последние со стороны различных социальных (этнических, расовых, конфессиональных, политических) общностей. В XX веке на эту сторону последствий научного процесса обращали внимание многие мыслители, в основном близкие экзистенциалистскому направлению в философии Николай Бердяев, Карл Ясперс, Мартин Хайдеггер. Но еще раньше этот диагноз поставил Николай Страхов: “Сколько бы ни искал человек истины, как бы строго ни наблюдал действительность, как бы долго ни уяснял свои понятия, новый факт, по учению эмпиризма, может ниспровергнуть все это до основания. Но ведь есть дорогие убеждения, есть взгляды, определяющие для нас достоинство и цель всей жизни. Неужели же и за них люди осуждены на веки бояться? Если наши понятия вполне связаны с какими-нибудь совершенно частными явлениями, с известным местом или временем, то положение человека, искренне желающего руководиться истинной, было бы жестоко”. Итак, чем больше социальные и политические процессы опираются на науку, тем более ее последующее развитие становится коррелятом вызванных ею социокультурных трансформаций.